

PROвласть

DE L'ESPRIT
DES
LOIX

*OU DU RAPPORT QUE LES LOIX DOIVENT AVOIR AVEC LA
CONSTITUTION DE CHAQUE GOUVERNEMENT, LES MOEURS
LE CLIMAT, LA RELIGION, LE COMMERCE, &c.*

à quoi l'Auteur a ajouté.

Des recherches nouvelles sur les Loix Romaines touchant les
Successions, sur les Loix Françoises, & sur les Loix féodales.

TOME PREMIER.

A GENEVE,
Chez BARILLOT, & FILS.

Шарль Луи Монтескье

О ДУХЕ
ЗАКОНОВ

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 1
ББК 87
М77

*Перевод на русский язык А. Горнфельда
Вступительная статья Д. Хаустова*

Монтескье, Шарль Луи

М77 О духе законов / Шарль Луи Монтескье ; [пер. на рус. яз. А. Горнфельда; вступит. ст. Д. Хаустова]. — М. : РИПОЛ классик. — 690 с. — (PROвласть).

ISBN 978-5-519-64986-5

«О духе законов» — главное произведение французского философа-просветителя Шарля Луи Монтескье (1689-1755), блестящего знатока истории, теории права и государства, одного из основоположников географической школы и социологии, разработавшего доктрину о разделении властей. Политические и правовые идеи Монтескье оказали непосредственное влияние на составителей Конституции США, конституционное законодательство периода Великой французской революции, на Гражданский кодекс Франции 1804 г.

**УДК 1
ББК 87**

© Хаустов Д. С., вступительная
статья, 2018

© Издание, оформление.

ООО Группа Компаний «РИПОЛ
классик», 2018

ISBN 978-5-519-64986-5

Дмитрий Хаустов

РОЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ
ИЗ ДУХА ЗАКОНОВ.
МОНТЕСКЬЕ В ИСТОРИИ
ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Одним из вопросов, которые особенно занимают меня по моем приезде в Европу, является история и происхождение республик. Как тебе известно, большая часть азиатов не имеет даже понятия об этом роде правления, и у них не хватило воображения представить себе, что на земле вообще возможно какое-либо иное правление, кроме деспотического.

«Персидские письма»

Увядаящий патриарх, ярко выписанный Гарсиа Маркесом, сел на страну железным задом. Его невидимое присутствие во всех сферах общественной жизни дошло до того, что даже лотерея была устроена так, чтобы выигрывал в нее всегда именно национальный лидер. И хотя лотерея — это замечательная, хотел того автор или нет, аллюзия на демократические выборы, о последних в стране патриарха даже вопроса не стоит. Выбор — это свобода, потому что свобода и есть свобода выбора, она форма, а не содержание, как, а не что. В пространстве без выбора и без свободы привычно царит дурно повторяющееся *То же самое*. Персонифицированное, в данном случае, бессменным (то есть самотождественным) президентом-патриархом, оно всё вокруг

превращает в свое личное дело — более того, только оно имеет право на что-либо — на всё! — личное. Это и есть, как отмечал в одном месте Пятигорский, виднейший признак тоталитаризма. Давняя мечта Гоббса — Шмитта: в государстве есть только одна личность, только одно лицо, только один субъект. Государство — это Он.

Как и всякий значительный литератор, Гарсиа Маркес работает с чистым типом, который имеет целый ряд реализаций в историческом опыте. Так, в патриархе, который сам управляет своим президентским дворцом до того, что собственными руками надаивает молока для собственной охраны, легко узнается другой патриарх по прозвищу Сталин, который, по свидетельствам историков, лично вел свое дачное хозяйство, прилежно распоряжаясь, что где посадить и как часто полить¹ (патриарх у Гарсиа Маркеса, литературный и более карикатурный, олеографический, также разбрасывает и поджигает лепешки коровьего кала — это от москитов, с которыми Сталин, по понятным причинам, не имел контакта). И далее — вариации: бородатый патриарх с лицом наркоторговца лично чинит холодильник в придорожной забегаловке, безбородый патриарх с лицом бабушки лично сопровождает несчастный выводок в теплые страны. Без участия единственного в стране субъекта никакое дело не делается, и слово не слышится — никогда.

Забота об участке, о холодильнике, о птицах легко масштабируется в заботу о целой стране — для патриарха страна и есть огород, который надо окучевать: где посадить, где срезать. Один человек в ответе за целый мир — карибский, или, скажем, русский. Мыслимо ли, что это по-прежнему человек? Тоталитарная практика делается невероятной без важной, фундаментальной идеологемы — речь о сакрализации власти. Вождь всему голова, потому что он уже не совсем человек, почти бог. Поэтому политическое в данном случае — всегда уже, по догадке Карла Шмитта, есть *политическая теология*. Так, во всяком случае, нередко считают откуда-то снизу (как раз из фундамента), а сверху охотно кивают — да-да, всё так — и без стеснения принимают сей лестный образ, всматриваясь в фундаментальные низины как

---

¹ Подробнее: Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя. — М.: АСТ; CORPUS, 2015. С. 25 и далее.

в зеркальную бездну. Так две бездны поддерживают друг друга, многозначительно перемигиваясь.

Реальность, впрочем, вносит в воображаемое свои коррективы, которые всегда травматичны, если не катастрофичны. Время от времени выясняется, что вождь всё же не бог, а всего только человек, да еще и голый: когда с позором и треском проваливается обласканная лысенковщина, когда не растет кукуруза, когда плановая экономика оказывается полоумной теоретической фикцией, когда, наконец, на навязчивое поигрывание обвислой мускулатурой весь мир отвечает холодным презрением. Тогда все трезвеют, народы приходят в движение. Некоторые, однако, очень скоро опьяняются вновь, приглядываясь к очередному богоподобному нелюду на горизонте. Иным удастся спастись от этого, как от огня, от вечно дурной повторяемости диктатуры, фатальной *тотальности и нераздельности власти*. Про этих счастливых принято говорить, что они встали на путь либеральных реформ — или как-то иначе, но слово «либерализм» в их общей характеристике встретится обязательно. «Либеральный» означает «свободный». Свобода (понятая здесь как свобода частного от общего, многого от единого) труднее всего — она требует техники и, еще раньше, логики. А про мужество я промолчу.

*

Сегодня основные положения Монтескье принято относить к тому комплексу идей, которые в обобщенном и не всегда корректном виде именуются «идеями 1789 года»¹. Получается так, что эти положения задним числом входят в состав политических завоеваний Великой Революции. Оспаривать это трудно — и нужно ли, — но можно и нужно это дополнять, делая ряд оговорок. Конечно, связь Монтескье с Революцией не так однозначна, как связь с нею Руссо — и, если продол-

¹ В расширенном смысле. Так, Огюстен Кошен отсчитывал инкубационный период революции примерно с 1750 года — как раз появилась работа «О духе законов», готовится Энциклопедия... Об этом: Фюре Ф. Постигание Французской Революции. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. — С. 189.

жить сравнение, вклад Монтескье в Революцию скорее соотносим с тем емким набором именно положительных выводов, которые были усвоены значительно позже самой Революции, политически не столь, скажем так, безупречной, — тогда как вклад Руссо куда шире и, таким образом, в большей степени распространим как на положительные, так и — а может быть, прежде всего — на отрицательные стороны великого события (Токвиль характеризовал динамику Революции примерно так: сначала цитируют Монтескье, потом говорят только о Руссо). Само это событие Революции, взятое в отрезке 1789—1794 годов, куда в большей степени событие Руссо, нежели событие хотя бы кого-то еще из повлиявших на него мыслителей. Событие Монтескье, в свою очередь, хотя и остается безусловно связанным с Революцией, но ею никак не ограничивается и выходит в пространство значительно более долгих исторических преобразований, лишь частью — и не самой весомой — которых Алексис де Токвиль и следом за ним Франсуа Фюре видят и саму Революцию. В этой умеренной перспективе, по счастью, подходящей к событию с холодной головой, а не как к предмету национального культа, Великая Революция заметно теряет в величии, но приобретает в исторической достоверности. Что до самого Монтескье, то он революционен не в точечном смысле, но в смысле, скорее, большой истории, длительности неспешных трансформаций и множественных событий — он, безусловно, революционер, но мягкий, без гильотины и «Друга народа» — и живший задолго до них. В таком «мягком» смысле обобщенно понятая Революция означает: освобождение, *де*-абсолютизация центральной власти, и далее — парламентаризм, представительство, разделение властей.

Шарль Луи де Монтескье родился в 1689 году в Бордо в не очень богатой дворянской семье, от которой, впрочем, ему остались баронский титул и целый замок. Барон Монтескье изучал право, затем и историю, и естественные науки — впоследствии от углубленных занятий физикой и физиологией пришлось отказаться из-за больных глаз. Недолгое время занимался практической политикой в парламенте родного Бордо, однако всегда предпочитал вести теоретический образ жизни. Не в последнюю очередь в силу своего исторического и, если воспользо-

ваться анахронизмом, политологического интереса Монтескье много путешествует по странам Европы, домой возвращается под определяющим впечатлением от Англии и прежде всего от английской политической системы, после Славной революции 1688—1689 годов действительно наиболее прогрессивной и уравновешенной в масштабах целого мира. Не в последнюю очередь дух английских законов, столь пленительно гармоничных, толкает барона к занятиям политической философией. На этом английском сюжете, для полноты исторического контекста и в силу того, что для политической концепции Монтескье он имеет определяющее значение, разумно будет чуть-чуть задержаться.

Политическая история Англии в период движения от Средних веков к Новому времени проходит через ряд узловых точек, в которых серьезные политические кризисы удачно сочетались с поступательным развитием парламентаризма¹. Уже сильная феодальная аристократия, осевшая на новых территориях после прихода в страну Вильгельма Завоевателя в 1066 году, рано продемонстрировала определенную тенденцию к независимости (в известных пределах, разумеется) от абсолютной верховной власти. Воспользовавшись неудачами правления Иоанна Безземельного, брата легендарного Ричарда Львиное Сердце, феодалы принудили короля на принятие Великой хартии вольностей — *Magna Charta Libertarum* — в 1215 году, в которой, в частности, оговаривалось, что свободный дворянин не может быть так или иначе репрессирован верховной властью без суда *равных* ему дворян. Таким образом, власть суверена впервые ограничивалась снизу, стихией сословной (или корпоративной) солидарности. В случае неисполнения договора дворяне оставляли за собой право на сопротивление. Вместе с принятием Хартии было положено начало организации дворянского представительства, которое позже получило название парламента. По сути парламент и был институционализацией тех ограничений суверенной власти, которые удалось на данный момент отвоевать дворянству, и далее эти ограничения развивались уже под видом парламента и в русле его собственной эволюции. Эта эволюция, конечно,

¹ К примеру, об этом периоде емко и ясно сказано здесь: *Моска Г.* История политических доктрин. — М.: Мысль, 2012. С. 149—182.

была далеко не безоблачной. Так, тяжелая гражданская война, получившая в истории имя Войны Алой и Белой розы (то есть династий Йорков и Ланкастеров, 1455—1485 годы), совершенно упразднила самый вопрос о представительстве — было не до того. Мир, восстановленный под властью новой династии Тюдоров, первое время также тяготел к суверенному абсолютизму. Однако сложившаяся уже историческая традиция сильного представительства, как оказалось, не могла быть так запросто аннулирована даже столь долгой, жестокой войной. Хотя большая часть старого дворянства была этой войной уничтожена, новая аристократия традиционно тяготела к самоуправлению, чему абсолютная власть не особенно сопротивлялась (напротив, самоуправление *gentry* приносило короне вполне очевидные выгоды). С тех пор политическая система Англии демонстрировала баланс, во многом сходный с принципом маятника: чем больше верховная власть тяготела к абсолютизму, тем больше — будто в ответ — противовесная система парламентского представительства настаивала на своих правах и ограничениях верховной власти. Так было при Якове Первом, а при сыне его Карле Первом, еще сильнее прежнего притязавшего на неограниченный абсолютизм, политический маятник качнулся прямоком до новой гражданской войны (еще до нее парламент добился от короля *Билля о правах*, ограничивавшего верховную власть по части налогообложения, юрисдикции, содержания армии). Лидер противников короля Оливер Кромвель, в 1640 году организовавший так называемый Долгий парламент, в 1649 добился-таки юридически санкционированной казни Карла Первого. Итогом диктатуры Кромвеля, которая сама по себе едва ли способствовала развитию парламентаризма, была реставрация 1660 года — на английский трон взошел Карл Второй. Правитель в достаточной степени жадный и малограмотный, он от противного укрепил престиж парламента и еще более уронил честь короны. Так, в 1679 году был принят *Habeas Corpus Act*, в котором оговаривались фундаментальные права гражданина против произвола властей — от условий правомерного помещения гражданина под стражу до суммы, которую обязаны выплатить гражданину нарушители данного акта. Славная революция 1688—1689 годов обратила Якова Второго, брата